

*Судя по всему, написано после (в дневнике 05.11.1943) смерти старшины медицинской службы Марийки.*

*Следовательно, ноябрь 1943.*

Смерть девушки.

Молодая осень испуганно шелестела зелеными листьями фруктовых деревьев. Время от времени то ближе, то дальше, то совсем рядом вздрагивала и грохотала земля от тяжелых разрывов неприятельских снарядов. Кудрявые и совсем непричастные к военным операциям детища природы неожиданно встретились со смертью, самой ужасной, о которой они до этого не имели даже представления. И когда неотвратимые снаряды с визгом и грохотом взметали вокруг землю, они в ужасе, забывая о своей былой неподвижности, шарахались в стороны и больно встряхивались своими слегка почерневшими кудрями.

Лейтенант Иванов со своим минвзводом расположился сразу за полуразрушенными остовами зданий, что когда-то имели назначение опытной станции. Отрыв площадки для минометов и оборудовав позиции, лейтенант сразу установил минометы и открыл стрельбу по заранее разведанному им объекту. Сегодня Иванов действовал самостоятельно, отдельно от минометной роты. И он казался себе много солидней и умней, чем прежде. В самом деле, ведь он теперь сам хозяин положения и от его собственной инициативы зависит многое в ходе боя.

Противник, видимо, обнаружил минометы Иванова и открыл по нему интенсивный артминогонь. Началась длительная дуэль. Силы были не совсем равны. Но лейтенант не унывал и сосредоточенно руководил стрельбой. Немцы били неточно, их снаряды ложились то влево, то вправо, то далеко сзади его батареи. Между тем, как его минометы хорошо поработали и, видимо, досадили немцам, раз они открыли такой массивный огонь по его трем минометам. Ему нравилось это неравенство и он только в душе пожалел, что на по[...] не присутствует Наташа, такая славенькая синеглазая девушка с большими черными ресницами и таким умным белым лбом, с такими нежными слегка пунцовыми щечками, что просто умереть можно от любви и восторга.

Наташа служила санинструктором в том самом батальоне того самого полка, где лейтенант Иванов был командиром минометного взвода. Это была смелая, энергичная девушка, увенчанная двумя наградами и славой лучшей санитарки части. В бою не было ей равной по самоотверженности и бесстрашию среди санитарок и, многие спасенные ею на поле сражения бойцы и командиры, выражали ей в письмах из госпиталей и пересыльных пунктов, а также лично по выздоровлению и прибытию в часть, свои глубокие чувства благодарности и восхищения ее работой. В часы передышек и отдыха Наташа была любимым собеседником всех бойцов подразделения и ее веселая умная речь приводила в умиление даже пожилых бойцов, которых молодые бойцы из нового пополнения, с уважением называли старичками. И сколько рукопожатий и приветов случалось ежедневно принимать девушке, сколько записок, писем и даже стихов получать от ее многочисленных почитателей. Но Наташу не занимали бесконечные признания, пусть даже выраженные в горячих стихах. Она высоко ценила дружбу товарищей. Но других отношений от них не принимала.

Лейтенант Иванов был первый, кого она удостоила своим нежным (дорогим) вниманием. Возможно потому, что во всей части никто не писал лучше его стихов,

никто не был так скромн и ласков, никто, наконец, так ей казалось, не был красивей и моложе, чем лейтенант.

В части сразу узнали об их взаимной страсти и, несмотря на неприкрытую зависть к лейтенанту Иванову, все единодушно радовались его счастью. С тех пор Наташа стала часто бывать в минометной роте и зависть к лейтенанту переросла вскоре в зависть ко всей минроте, которая, благодаря ее вниманию, стала самой живой и шумной во всем подразделении.

Шли дни. Старики постепенно привыкли к перемене в п[...] и, наверно, тоже, волей-неволей вынуждены были привыкать.

Между тем сколько теплых и восторженных встреч произошло между ними и сколько мыслей и чувств передано друг другу. И не было в свете минуты более радостной для обоих, чем минута встречи. Наташа была героиней части, но и весьма уважала героя в других людях. Вот почему хорошо известному ее красивую натуру Владимиру, так звали лейтенанта, так сильно хотелось, чтобы его увидела Наташа в напряженную минуту боя.

И вдруг – какое счастье. Рядом с его взводом в неглубоких пехотных окопчиках расположилась батальонная санчасть и приступила к дооборудованию позиций. Наташу крепко уважали в санвзводе, и потому не разрешили ей участвовать в окопных работах.

Владимир увидел Наташу одиноко сидящей в окопе и с интересом наблюдающей за работой Владимира. Польщенный вниманием Наташи Владимир ус. работу.

Еще и еще до бесконечности готов был он разить немца, ни усталость, ни обстрел – не беспокоили его. И он всецело с восторгом и увлечением отдался своей работе, не сводя однако [...]

Противник долго молчал и, видимо, мучительно подсчитывал количество и местонахождение минометов Иванова. И, когда подходили к концу боеприпасы, и он установил минометы на свои основные позиции, противник обрушился на зеленую рошу из фруктовых деревьев с такой яростью и ожесточением, с такой массивной атакой огня, что гигантский столб дыма поднялся с того места, откуда несколько минут назад Владимир производил стрельбу. Владимир был доволен своей работой. Впрочем, не он один. Командир поддерживаемой им стрелковой роты и даже командир батальона выразили ему свою благодарность по телефону, а командир минометной роты поздравил его в присланной ординарцем записке. Но самой дорогой и самой значительной была для него похвала Наташи, которую он уже чувствовал в ее светящихся глазах, в ее смеющихся маленьких губках, в ее глубоких ангельских мыслях (думах), которые, казалось, не могли удержаться в девичьей голове и сквозь расстояние в несколько метров, отделявшее их, долетали до Владимира и они-то именно и диктовали ему план действий.

Полчаса противник продолжал еще обстреливать посадку, но снаряды и мины не принесли ни одного повреждения нашим подразделениям и только заставили немцев израсходоваться впустую. И, когда противник, считая, что уничтожил тревожившую его батарею, прекратил стрельбу, Владимир направил еще несколько мин в его расположение и, видимо, поджег неприятельский склад с боеприпасами, ибо оттуда поднялся густой белый дым.

Противник совершенно растерялся и окончательно прекратил огонь. Позвонив в боепитание об отсутствии боеприпасов и объявив на батарею «Отбой!», Владимир устремился к своей Наташе, которая казалось ему сегодня еще величественней и красивей, чем когда-либо ранее. На фоне своей боевой удачи он не заметил сразу ни серьезной задумчивости, ни грусти в глазах девушки.

- Наташа! Милая! – крикнул Владимир, подходя к девушке.

Наташа вздрогнула и обернулась. Глаза ее были влажны от слез, а в глубине их чувствовалось столько тревоги и беспокойства, что Владимир растерялся.

- Наташа, - вскрикнул он с болью в сердце, - что с тобой, милая? – И, подойдя к ней, нежно обнял ее дорожную головку.

Девушка Наташа всхлипнула. Первый раз Владимир видел ее такой задумчивой и печальной и впервые встречал на ее лице слезы.

- О чем ты, солнышко, о чем плачешь? Расскажи мне свою тоску и поделись со мной своим отчаянием.

- Мне страшно, милый! – Шепотом ответила девушка. – Ах, зачем я сюда пришла. Ведь я не должна была идти. Мне говорили, чтоб я оставалась, но я не послушалась. Мне никогда не было так страшно, как теперь. Слышишь, Владимир, как противно урчат и разрываются снаряды, как они вздолбывают землю и как стремительно врезаются в нее. Я боюсь их сегодня! Я чувствую, что мне не жить. Слышишь, как они тяжело гремят, эти кошмарные куски рвущегося шипящего металла. Слышишь, милый? Это веселье смерти, это ее злорадство и торжество над благородной красавицей-жизнью. Я боюсь! Мне жутко!

И она, как ребенок, прижалась к широкой любящей груди Владимира, который перебирал волосы на голове и пытался успокоить дорогую девушку.

- Ничего, родная, вот немного стихнет обстрел и мы с тобой сделаем великолепный земляной дом-окоп, в котором ничего не будет нам страшно. Я позову бойцов и они оборудуют целую подземную крепость. Сверху накроем досками. Ведь так хорошо будет! Не правда ли? Ведь мы любим друг друга. И нам вдвоем не должно быть страшно.

Бойцы принесли соленых огурцов, хлеба, и молодые люди

Наташа вспомнила свою молодость, свою довоенную жизнь и на минутку забыла о страхе, тревожившем ее сейчас, об угрожавшей ей смерти. Она рассказала о военной жизни своей. Ожили в ее голове воспоминания о последних событиях на фронте. Вот комбат погиб. Револьвер.

Между тем подкатил бронепоезд. Он яростно начал обстреливать землю и снаряды его пролетали над самым ухом, вздрагивали на какую-то долю мгновения и стремглав разрывались где-нибудь, к радости батареи, всякий раз во время своего полета заставляя прижиматься обоих низко к земле.

- Иди, милый, иди, тебе не нужно здесь быть. Иди на свою батарею, иди от меня красавец дорогой. Ты должен жить – говорила Наташа. А Владимиру еще больше хотелось с ней быть.